

УДК 327(481+470.1(.2)(470.1|.2+481)(045)

DOI: 10.17238/issn2221-2698.2018.33.137

Сценарии Крайнего Севера и субнациональные реалии: политика и практика в приграничной зоне Норвегии и России *

© ХАУГСЕТ Петер, кандидат политических наук, доцент

E-mail: peter.haugseth@uit.no

UiT — Арктический университет Норвегии, Киркенес, Норвегия

Аннотация. Мы видим проявления множества региональных изменений в норвежско-российской пограничной зоне, особенно в результате сотрудничества в Баренц-Евроарктическом регионе (БЕАР). Поселения и города этой региональной периферии двух национальных государств являются более открытыми как в социальном отношении, так и в контексте расширения трансграничного сотрудничества (ТС) и сетевого взаимодействия. В настоящей статье автор рассказывает о некоторых пограничных изменениях, следуя за общей тенденцией к росту заинтересованности в северных территориях. Кроме того, он также анализирует точки зрения относительно результатов выработки политических стратегий, взаимодействия на государственном и субгосударственном уровнях, а также пути, которые, в конечном счёте, изменили динамику соотношения «центр — периферия». Подход к оценке взаимодействия внутриполитических и внешнеполитических инструментов выработан под влиянием работ о «субгосударственной дипломатии», в которых подчёркивается развитие взаимодействия государства и субгосударства в качестве эффективных инструментов сотрудничества, выходящего за пределы национальных границ. Эффективность этого частично регионального взаимодействия анализируется эмпирически, что приближает к различным контекстам и дискуссиям о развитии Крайнего Севера, которые существуют с 2008 г. в арктических окраинах Норвегии и России. Новые политические обязательства, представленные в официальных документах (брендинг Крайнего Севера) на государственном уровне, предусматривают перенос новых индустриально-экономических High-Tech сценариев с государственного на местный уровень. Среди них: новые пограничные визовые режимы, пограничные форумы, а также инвестиции в улучшение дорог, инфраструктуру и транспортную рационализацию. Оценивая эти политические моменты и их результаты, можно увидеть ряд индикаторов современного геополитического и экономического потенциала региона и местных и региональных реалий. На основе представленного эмпирического материала автор делает вывод о том, что субгосударственные правительства зависят от государственного уровня в ходе текущих дискуссий о трансграничном сотрудничестве.

Ключевые слова: политика на Крайнем Севере, Баренцев-Евроарктический регион, норвежско-российские двусторонние отношения, государственная — субгосударственная дипломатия, трансграничное сотрудничество, местный приграничный трафик, приграничный туризм.

High North scenarios and subnational realities: policies and practices in the Norwegian/Russian border zone

© Peter HAUGSETH, Cand. Sci. (Pol.), Assistant Professor

E-mail: peter.haugseth@uit.no

UiT — The Arctic University of Norway, Kirkenes, Norway

Abstract. As the world was becoming more interdependent, with increased global awareness of the northernmost parts of the world, both the Norwegian and Russian governments showed more political commit-

* Для цитирования:

Хаугсет П. Сценарии Крайнего Севера и субнациональные реалии: политика и практика в приграничной зоне Норвегии и России // Арктика и Север. 2018. № 33. С. 137–156. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2018.33.137

For citation:

Haugseth P. High North scenarios and subnational realities: policies and practices in the Norwegian/Russian border zone. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2018, no. 33, pp. 137–156. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2018.33.137

ment to and interest in new forms of region-building and development in the High North from 2006 and onwards. Today, more than ten years later, many regional changes are evident in the Norwegian-Russian border zone, as a consequence of expanded people-to-people contacts in the Barents Euro-Arctic Region (BEAR). In this peripheral border area between two national states, villages and cities have become more open, both sociologically and legally for increased cross border cooperation (CBC) and networking. In this article I will take stock of some of these borderland openings following on from the consequence of the two nations' rising levels of interest in the High North. It explores the ways in which (inter-)national policy-making and state-substate interactions ultimately altered centre-periphery dynamics. This article has based its approach to understanding the interplay of domestic and foreign policy instruments on the 'substate diplomacy' literature, which argues that increased state-substate interactions constitute an efficient instrument for extending cooperation beyond national state borders. The efficiency of regionally driven substate interactions is discussed from an empirical perspective. The present study analyses various High North development contexts and discourses (effective from 2008) in the Arctic borderland between Norway and Russia. The new political commitments presented in state-level official documents (the branding of the High North) envisioned a transference of new industrial-economic high tech scenarios from state to local level. These scenarios included new borderland visa regimes, co-existing with cross-border forums investments in improvements of roads, infrastructure, and transport rationalisations. The present article briefly assesses these policy rationales and their outcomes, revealing the region's contemporary geopolitical and economical potential, as well as local and regional realities. The findings show that substate governments and stakeholders are able to operate in demanding trans-border contexts, contribute to ongoing contemporary CBC discussions, and complement national and state-level efforts by using their regional expertise to solve problems.

Keywords: *High North politics, Barents Euro-Arctic Region, Norwegian-Russian bilateral relations, state-substate diplomacy, cross-border cooperation, local border traffic, borderland tourism.*

Региональная государственная дипломатия: некоторые теоретические соображения

Эта работа следует за обширной литературой по теории «парадипломатии», впервые разработанной Панайотисом Солдатосом [1, Soldatos P.], а позднее — концептуально и теоретически переработанной и дополненной Иво Дучачеком [2, Duchacek I.]. В последние десятилетия появились работы, которые внесли огромный вклад в понимание того, как внешняя политика и современная дипломатия во всё более взаимозависимом глобальном мире затрагивают региональные реалии, а также субгосударственные и негосударственные субъекты во внешнеполитических вопросах. Более того, многие субъекты субгосударства сегодня формируют собственную внешнюю политику параллельно с общегосударственной [3, Duchacek I., Latouche D. and Stevenson G.; 4, Michelmann H.J., Soldatos P.; 5, Aldecoa F., Keating M.; 6, Majeed A., Watts R.L., Brown D.M.; 7, Joenniemi P., Sergunin A.; 8, Jackson T.].

С самого начала разработки избранной нами темы утверждалось, что сейчас мы наблюдаем всё более сложную и усовершенствованную работу по этому вопросу. Кроме того, утверждалось, что «спектр дипломатических инструментов и стратегий, которые их сопровождают, стал более разнообразным и сложным» [9, Criekemans D., с. 1]. Был также рассмотрен вопрос о том, что субгосударственная дипломатия действительно создает новую парадигму для международных отношений. В эмпирических исследованиях доминировал ряд анализов дезинтеграции традиционного внутриполитического и внешнеполитического центра и периферии, а также теоретические рассуждения на тему, почему региональные государственные субъекты должны «выходить за границу», каковы последствия участия

субгосударств в международных отношениях для традиционной дипломатии и каким образом субгосударственные субъекты могут быть вовлечены в международные отношения. Были также проведены сравнительные исследования по вышеупомянутым вопросам. Также в литературе обсуждалось, какие компетенции требуются субгосударственным, государственным субъектам и какие правовые рамки существуют для субгосударственных субъектов, когда они «выходят за границу». Обсуждался и вопрос о названии данной отрасли исследования («парадипломатия», «многоуровневая дипломатия», «учредительная дипломатия» или «региональная субгосударственная дипломатия» и пр.). Когда речь заходит о теоретических подходах к парадипломатии, дискуссия о соответствующей литературе вызывает меньше энтузиазма. После анализа нескольких книжных изданий М. Бойер [10, с. 99] заключает, что «нам остались не только сложности, но и небольшое количество простых ответов». Другие исследователи предлагают применять структуру отношений как на местном, так и на внешнеполитическом уровне [11, Lescours A., с. 92]. Однако это считается довольно сложной задачей, потому что «данное явление настолько разнообразно и имеет огромное количество различных граней, что с теоретической точки зрения с ним довольно трудно примириться» [9, Crieckemans D., с. 5].

Кажется, что всеобъемлющих теоретических подходов к парадипломатии не существует. Более новые исследования предлагают рассматривать её в рамках политической географии, включая её в широкую методологическую традицию критической геополитики, и изучать парадипломатию в пространствах различных масштабов [8, Jackson T., с. 3]. Парадипломатию называли «современной головоломкой» или «беспорядочным» явлением в контексте международных отношений. Она требует многообразия подходов к методу анализа и исследования [10, Boyer M., с. 98; 9, Jackson T., с. 3]. До сих пор это явление часто рассматривается в рамках «глобализации», как и в настоящей статье.

Замечания эмпирического свойства в тексте данной статьи утверждают, что региональная субгосударственная дипломатия «ведёт переговоры» и находит политическое пространство внутри национальной внешней политики и внутрирегионального контекста, что влияет на субнациональный подход к международной деятельности. С этой точки зрения статья способствует расширению знаний о практической стороне субгосударственной дипломатии [9, Crieckemans D., с. 5]. Регионы, города, компании, неправительственные организации и т.д. способствуют сотрудничеству с целью решения местных проблем в области торговли, инвестиций, партнёрства и последующего долгосрочного и устойчивого развития. Более того, они могут попытаться поднять некоторые вопросы, касающиеся государственно-ориентированной системы и международных правил, а также ограничений, которые они налагают на стремления и текущую работу. Примеры, подтверждающие это, можно найти в местных дискуссиях о событиях на норвежско-русской границе в Баренцевом регионе и через 25 лет после его появления. В течение последних десяти лет основное внимание уделялось Крайнему Северу Норвегии и России. С обеих сторон границы наблюдается активизация

сотрудничества, а также наличие комплексного управления, что облегчает совместную деятельность по совершенно новым направлениям. Говоря языком финского исследователя Анси Пааси [12, с. 20], это показывает, что «крупномасштабный территориальный процесс» в международном и региональном управлении может трансформировать «местный контекст повседневной жизни и присущий ему опыт и значения».

Политическая практика, которая изменила региональную реальность на Крайнем Северо-Востоке, частично исходит из норвежской стратегии «Крайний Север» («High North») 2006 г., которая обратила пристальное внимание на Арктику. Также это было частично обусловлено новой глобальной дискуссией об Арктике, а норвежские власти отметили, что стратегия «Крайний Север» является центральной во внешней политике страны. Заключённые в ней концепции севера несут в себе новые инструменты и планы, взаимодействие между иностранными и отечественными подходами, объединяющими как государственные, так и национальные и субнациональные интересы в общественной и частной сферах. Избранный способ приближения к двусторонним или многосторонним вопросам, похоже, ставит под сомнение традиционную иерархию дипломатических отношений, поскольку предполагает интеграцию целей государств и национальных правительств в повестку дня субнациональных и негосударственных субъектов. Общая идея, как показывает норвежская стратегия для севера, состояла в том, что все государства Арктического бассейна смогли бы выступать в качестве ответственных арктических управляющих, отвечающих ряду ожиданий мирового сообщества в отношении обеспечения устойчивого развития на Крайнем Севере, например, в отношении добычи ресурсов, производства энергии и топлива, устойчивого развития в условиях изменения климата в условиях хрупкой северной природы. Всё это имело практическое значение для двустороннего взаимодействия между норвежскими и российскими властями на периферийной границе двух стран. В последующих и современных версиях российской арктической стратегии мы также прослеживаем некоторые похожие взгляды на «новый север». Каким образом это отражено в документах и планах, а также в действиях центральной власти? Как это определило рамки для последовательной реализации национальной политики в Арктике, а также некоторые возможности для «многоуровневого регионального и пограничного управления» между национальными и субнациональными подразделениями, занимающимися своими повседневными обязанностями на небольших периферийных участках? Каким образом периферийные норвежско-российские границы выиграли от этого, и как это повлияло на взаимодействие в рамках трансграничного сотрудничества, БЕАР и межличностного взаимодействия? Стало ли это причиной появления новых форм приграничного развития, то есть развития с российской стороны?

Методы: полевая работа, наблюдения, интервью

Чтобы ответить на эти вопросы, рассмотрим взаимодействие множественных факторов на местном и национальном уровнях и их влияние на трансграничные цели, например,

развитие новых пограничных сетей (пограничные конференции), изменение визовых режимов и его последствия (Норвегия (ЕС) — Россия), соседствующие с потребностями улучшения дорог и инфраструктуры (Баренц-сотрудничество в области транспорта и инфраструктуры).

Настоящая работа стала результатом моего обучения в качестве социального антрополога и многолетнего проживания в норвежском приграничном городе Киркенес, расположенном в 12 км от российской границы и Мурманской области. Как антрополог, вдохновлённый результатами полевых работ, я смог погрузиться в местную жизнь и принять участие во многих важных событиях последних 10–12 лет в норвежско-российском приграничном сотрудничестве, а также я участвовал в выработке различных подходов к региональному строительству. Именно в это время трансграничное сотрудничество значительно расширилось после появления норвежской стратегии «Крайний Север». Исходя из общегосударственного значения, проводились различные мероприятия: визиты делегаций центральных политических органов пограничных районов, двусторонние встречи между центральными органами Норвегии и России, международные политические встречи и новые местные и региональные форумы, а также региональные промышленно-экономические конференции, многочисленные семинары и т.д.

В дополнение к наблюдению за участниками на большом количестве общественных мероприятий, которые мне довелось посетить, я также провёл множество открытых интервью с местными политиками и региональными властями, населением и др. заинтересованными сторонами, проживающими в Печенгском районе и Мурманске в 2009–2018 гг.¹ Речь идёт о многих вопросах одновременно [13, Berkaak O.A., Frønes I., с. 92–93], и дальнейшие события познакомили меня с конкретными ситуациями. Всё это сложилось в комплексный блок информации, в «толстое повествование» [14, Geertz C.].

Настоящий текст представляет собой генеалогию более или менее интегрированных подходов и комментариев к общему развитию Крайнего Севера, наблюдаемому норвежско-российской пограничной зоны. Использование исследований, проводившихся более десяти лет назад, позволило создать обратную связь между сравнительными вопросами и ответами, которая облегчает понимание региональной и местной повседневной практики. Всё это отражает многослойную реальность глобального и регионального управления, которая характерна для норвежской и российской арктической шенгенской пограничной зоны, а также в различной степени и для других частей Баренцева Евроарктического региона.

Новый Север: децентрализация и глобальное управление

С 2003 г. правительство Норвегии, казалось бы, было готово изменить своё мышление в области международных отношений и дипломатии на Крайнем Севере. Норвежское государство давно позиционирует себя в более широком глобальном контексте, и это нашло

¹ Групповые и индивидуальные интервью с населением пограничья России (Печенгского района) проводились мной в 2009, 2012, 2014, 2015 и 2018 гг., в Мурманске — в 2014 г.

своё отражение в стратегии правительства Норвегии для Севера 2006 г.² Она официально рассматривалась в качестве документа, позиционирующего приоритетное направление внешней политики страны на ближайшие годы. Крайний Север рассматривался во всеобъемлющем «целостном» контексте. До 2003 г., по мнению Хеннеланда и Йенсена, было принято считать Крайний Север множеством различных (гео)политических слоёв, которые были связаны с соседом на востоке, т.е. с Россией [15, Hønneland G., Jensen L.F.; 16, Hønneland G., Rowe L.; 17, Hønneland G.]. В то время северные территории рассматривались в первую очередь как имеющие отношение к соседним с Норвегией странам по морю на Западе (Фарерские острова, Гренландия или Исландия) или к взаимодействию Арктической восьмёрки на совещаниях Арктического Совета, включая северные страны, Россию, Канаду и США. Географически (в 2006 г.) норвежская политика для Крайнего Севера распространялась на сушу и море всего «Европейского Севера». Таким образом, острова и группы островов Сёр-Хелгеланд (Sør-Helgeland) на юге, Гренландское море на Западе и Печорское море на востоке попали под её воздействие.

В политическом плане отношение Норвегии к Крайнему Северу касалось не только административных единиц, связанных со странами БЕАР: северными странами и Россией, но и ЕС и его политики Северного измерения в области трансграничных отношений и выработки политической стратегии взаимодействия между Востоком и Западом. Оглядываясь назад, мы должны также подчеркнуть зависимость политики севера Норвегии от «южных» центрально-европейских и региональных интеграционных практик ЕС, связанных с европейской политикой добрососедства (ЕПД). Сотрудничество с Северной Америкой (Канадой и США) часто рассматривается через призму Арктического Совета. В норвежских интересах (политика на Крайнем Севере) создание ситуации, при которой международное сообщество двигалось бы в одном направлении, т.е. на благо развития всех арктических территорий мира. Наличие подобных стремлений позволяет нам согласиться с Хэлдом [18] и заключить, что сложные управленческие и коммуникационные сети были полезными в реализации политического сценария на основе гибких и динамичных институционализированных систем многоуровневого глобального и регионального управления. Об этом свидетельствует всё большее число межправительственных организаций, участвующих в этих процессах. Такой подход к глобальному управлению предполагает довольно «космополитическое» понимание его, а также международных законов, выходящих за рамки процесса принятия решений, связанного с традиционным национальным государством. Согласно Аппадурай [7, с. 296], появилась новая форма глобальной культурной экономики, а упомянутые нами концепции, по-видимому, «понимаются как сложный, дублирующий друг друга дизъюнктивный порядок, который уже не может быть понят с точки зрения существующих моделей «центр — периферия». Центрально-периферийные вертикали власти ставятся под сомнение, когда стираются политические различия между «внутренней» и «внешней» политикой. Глобальная

² The Norwegian Government's High North Strategy, 2006. Norwegian Ministry of Foreign Affairs, Oslo.

взаимозависимость по проблемам Крайнего Севера действительно задала вектор тому, как правительство понимает международные отношения на севере и как практически реализует свои дипломатические стратегии [19, Talbot S., с. 72].

Больше, чем внешняя политика

Среди приоритетных направлений норвежской стратегии для Крайнего Севера — поддержание хороших отношений с Россией, устойчивое управление природными ресурсами, возможности добычи энергоресурсов в Баренцевом море, противодействие изменению климата, охрана окружающей среды, улучшение условий жизни народов Севера, в частности, коренных народов. Методы решения этих вопросов — это действительно «больше, чем просто внешняя политика и просто внутренняя политика»³. Более того, эти методы, как было сказано, «принадлежат» не только центральным властям; «дорожная карта» и особенно политическая практика в условиях Крайнего Севера была частично «децентрализована» в регионах. Новый подход, а также интерес национальных государств к Арктике и Субарктике стали профильными элементами на повестке дня видных политиков при посещении северных территорий. Во время визита на север тогдашний министр иностранных дел Норвегии Йонас Гахр Стёре объявил, что «стратегия для Крайнего Севера должна принадлежать северу и быть на севере», а также что «большая её часть — север».⁴

Новая динамика соотношения «центр — периферия» в норвежской политике на Крайнем Севере предполагает передачу обязанностей и прав с юга на север. Такая практика бросила вызов обычным представлениям о централизме в отношениях между локальным и центральным измерениями. Важность севера и его развития социал-демократические политики усматривали в том, чтобы «затмевать» его «южный» аналог. Наиболее важные вопросы для будущего национального развития рассматривались применительно к северу [20, Angell et al.]. При подписании документа «Nordområdene: Visjoner og Virkemidler» в 2011 г., как указано в предисловии к документу («Крайний Север: представления и средства»), Й.Г. Стёре предложил Будё — северо-западный норвежский город с недавно созданным университетом в качестве северной столицы Норвегии, наряду с Осло. Реализация внешней политики на Крайнем Севере была перенесена с традиционных национального и государственного уровней и децентрализована в региональные центры на «периферии» Северной Норвегии. Регионы также внезапно стали активно включаться в политический дискурс по Субарктике, представляя себя в роли ответственных субъектов, способных к обмену и практике национальной политики. Нельзя отрицать, что вопросы безопасности Баренцева моря, внешней политики в Арктике, важных переговоров с Россией и другими странами по делимитации норвежской исключительной экономической зоны — всё это оставалось в рамках внешней политики и

³ The Norwegian Government's High North Strategy, 2006. Norwegian Ministry of Foreign Affairs, Oslo. p. 5.

⁴ Støre J.G. Det meste er nord- Nordområdene og veien videre-et internasjonalt perspektiv. Presentation at UiT, April 29, 2010. URL: www.regjeringen.no/nb/dep/ud/aktuelt/taler_artikler/jgs_taler_artikler/2012/nord_mest.html?id=602113 (дата обращения: 15.05.2016).

дипломатии, контролируемой из Осло. Северные региональные аспекты трансграничного сотрудничества обсуждались на различных форумах, конференциях, семинарах и совещаниях, а также в обществе. Произошло активное клеймение концепции Крайнего Севера и новых гражданских отношений между документами национальной стратегии, перформативным языком и операционализацией политики как среди политиков, так и общественности [21, Larsen T.].

Новые подходы к внешней политике в российском арктическом пограничье Шенгенской зоны

По мере того как норвежское правительство проводило политическую децентрализацию на Крайнем Севере в своих северных общинах и северо-восточном приграничном муниципалитете, аналогичный процесс в определённой степени происходил и в России. Арктическая стратегия России, или *Основы Государственной Политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 г. и на дальнейшую перспективу* (2009 г.), акцентировала внимание на энергетике, безопасности, промышленно-экономической деятельности и устойчивых подходах к развитию Севера (аналогичные ключевые темы встречаются и в норвежской стратегии). Все эти аспекты связаны в российской стратегии с вопросами безопасности / экономического благополучия и с оценкой самоуверенности нации, являющейся сувереном собственных национальных ресурсов [22, Jensen L.C., Skedsmo P.A.]. Согласно Ларуелле [23, с. 3–19], Конышеву, Сергунину и Субботину [24], арктическая политика России всё ещё продолжается после событий в Крыму и нескольких лет санкций, опираясь на региональное сотрудничество и стремление к укреплению многостороннего сотрудничества на севере. До 2014 г. решимость Минрегиона России продолжить такую работу на северо-западе России усиливалась благодаря экономической и организационной поддержке горного гиганта «Норильский никель» / «Кольский ГМК». Благодаря такой поддержке российскому приграничному сообществу политиков и местных стейкхолдеров в 2011 г. удалось организовать Дни российско-норвежского приграничного сотрудничества. Российские региональные власти активно содействовали развитию сотрудничества в приграничной зоне. Норвежские (Шенген / ЕС) и российские власти в 2010 г. заключили соглашение о создании совместной зоны местного пограничного движения (МПД), открытой для российско-норвежского сотрудничества, регионального строительства и интеграции. Обсуждение создания такой зоны было официально инициировано министрами иностранных дел Й.Г. Стёре и С. Лавровым в 2008 г. в Киркенесе и стало политическим стимулом для экономически неблагополучных шахтёрских городов Никель и Киркенес, часто связанных с постсоветским промышленным упадком и военно-политическим наблюдением в местах, также связанных трансграничным сотрудничеством, глобализацией и интернационализацией.

Хорошо контролируемое локальное открытие российских северо-западных приграничных территорий для Запада было новым явлением в 2011 г. и рассматривалось как нечто неожиданное по обе стороны границы. Оно установило региональные взаимоотношения в

духе интернационализации, что было довольно новым, учитывая тот факт, что взаимодействие между интернационализацией и региональным строительством не было значительной частью Российской национальной арктической стратегии [см. 25, Bassin M., Ely C., Stockdale M.K.; 26, Kinossian N.].

В последующие годы российские арктические пограничные власти действовали согласованно в отношении сотрудничества в Баренцевом Евроарктическом регионе. Региональные органы в лице губернаторов Мурманской области (Дмитрий Дмитренко в 2011 г. и Марина Ковтун в последующие годы) были положительно настроены в отношении такого сценария развития в Мурманской области и пограничья, говоря также и о линии разграничения в 2010 г. в Баренцевом море, о позитивном влиянии и экономической синергии трансграничного сотрудничества. Построение региона через трансграничное сотрудничество стало элементом самопрезентации Мурманской области и образа её будущего.

Юридически действие режима приграничной визы началось с 29 мая 2012 г. и длится до сих пор⁵. Мурманские региональные власти оказали содействие российским дипломатам и пограничникам в разработке и подготовке этого нового компонента режима МПД [7, Joenniemi P., Sergunin A.]. Новый режим МПД и диалог между местными и региональными властями в первые дни российско-норвежского пограничного сотрудничества в 2011 г.⁶ в России были удивительно открытыми и честными. Аналогичное государственное и субгосударственное взаимодействие наблюдалось и с норвежской стороны, поскольку мэр муниципалитета Сёр-Варангер (Sør-Varanger) являлся членом комитета по подготовке визового режима для обновлённого МПД [26, Haugseth P.].

Стоит также отметить, что двусторонние норвежско-российские интересы и МПД были частью более широкого многостороннего диалога между государствами-членами Шенгенского соглашения и Россией. Власти Норвегии и России продолжают знакомить общественность в Киркенесе и Никеле с более широким спектром внешнеполитических вопросов на различных форумах и семинарах. Наиболее важные моменты в отношениях между ЕС / Норвегией и Россией касались пограничных вопросов и установления визовых режимов. Более тесное сближение Шенгенского соединения и режима МПД стало заметным в ходе 4-ых российско-норвежских дней пограничного сотрудничества, проходивших осенью 2014 г. в связи с 5-м форумом по трансграничному сотрудничеству в Европе — «Пограничные диалоги 2014». Кроме субъектов различных уровней (местного, регионального, национальных органов власти и НПО) из Норвегии и России в округе Финнмарк и Мурманской области в мероприятии приняли участие представители государств-членов ЕС, а также ряда других. Пред-

⁵ Nordområdene. Visjon og virkemidler. St.melding 7. Melding til stortinget (2011–2012), and Utenriksdepartementet (2014) Nordkloden. Verdiskapning og ressurser. Klimaendringer og kunnskap. Utviklingen i nord angår oss alle. Nordområdene. Statusrapport 2014. URL: https://www.regjeringen.no/contentassets/23843eabac77454283b0769876148950/nordkloden_report-red.pdf (дата обращения: 21.06.2017).

⁶ CBC seminar, day two of the first Russian-Norwegian Border cooperation days in Borisoglebsk, Pechenga District, 2011.

ставители периферийных и ранее закрытых регионов России (Калининград) также приняли участие в конференции в Печенгском районе и обменялись мнениями по опыту МПД в условиях трансграничного сотрудничества с Польшей.

Общий политический настрой по этому вопросу как в Норвегии, так и России был оптимистичным. На северо-востоке Норвегии (на местных семинарах) новый МПД рассматривался даже в качестве способа полной отмены виз между Норвегией и Россией (возможно, и остальной Европой, поскольку мы говорим о границе Шенгенской зоны, конечно)⁷. Некоторые норвежские дипломаты использовали норвежско-шведский пограничный режим в качестве примера того, как могло бы складываться благоприятное развитие отношений между Норвегией и Россией. Российские дипломаты обратили внимание на границу Калининградской области России и Польши, так как эта модель МПД была не менее интересна, а географическое расширение исходной зоны МПД в данном случае удалось согласовать. Тем не менее ситуация с Калининградской областью и прилегающими к ней странами Польши является довольно сложной из-за истории развития этого региона до и после расширения ЕС в 2004 г. и последующего вступления в 2007 г. нескольких новых государств-членов ЕС в Шенгенскую зону [27, Browning C.S.; 28, Allison R., Light M., White S.]. Выводы о взаимоотношениях России и ЕС «между интеграцией и конфронтацией» стали результатом нескольких локальных семинаров, проходивших в то время с участием представителей Генерального Консульства Российской Федерации в Киркенесе [29, Prozorov S.].

Некоторые в России рассматривали расширение ЕС / Шенгенской зоны как «часть процесса восстановления политики сдерживания России» [30, Mankoff J., с. 143]. По мере расширения Шенгенской зоны на восток оптимистические рассуждения, связанные с европейской политикой соседства (ЕПС) ЕС и видением «Европы, свободной от разделительных линий», довольно сильно контрастировали с удушающей таможенной практикой на новых шенгенских границах, заставляя критиков говорить о создании нового «железного занавеса» или «золотого занавеса». Калининградцы, например, вынуждены были обращаться за визой, чтобы посетить другие регионы России, внезапно оказавшись в окружении стран-членов ЕС. На практике расширение привело к резкому сокращению количества виз, выдаваемых не только в Калининграде, но и на Украине и в Белоруссии⁸. На этом фоне режим МПД (МПДР) был полезен, особенно в тех случаях, когда визы в местные пограничные зоны предлагались за разумную плату жителям приграничных районов. Россия в дополнение к МПДР с Норвегией и Польшей имеет аналогичные соглашения с Латвией. По разным причинам, однако, нет МПДР между Россией и Финляндией, Россией и Литвой, а также между Россией и Эсто-

⁷ Grenseseminar «Grenseborgere eller begrensede borgere? February 9, 2012, Kirkenes. Arr. Finnmark University College, UiT-Barents institute, Sør-Varanger municipality/Kirkenes kompetansesenter and the «Living in the Centre-Periphery» September 25-26, 2012. Kirkenes- Nikel. Research Days 2012, Arr. Finnmark University College, Murmansk State Humanities University, Sør-Varanger Municipality and Pechenga Municipality District Administration.

⁸ Yliseyeu A. Keeping the Door Ajar: Local Border Traffic Regimes on the EU's Eastern Borders. The Finnish Institute of International Affairs, Helsinki, 2014.

нией. Норвежско-русский МПДР отличается от остальных в положительном смысле. Он оказался устойчивым и в кризисных условиях, например, в ситуации с беженцами в 2015 г. Справедливости ради стоит отметить, что это придало новый импульс сотрудничеству между странами Севера. Регулирование МПД значительно облегчило жителям Сёр-Варангера (Sør-Varanger) доступ к отдыху и покупкам в приграничных российских территориях Печенгского района. Норвежские «пограничные жители» сегодня всё больше осознают многочисленные возможности Мурманской области, в том числе Мурманска — крупнейшего города Арктики.

Разрыв между областной и губернской политикой в Норвегии и России и периферией их регионов сократился, когда промышленные моногорода на границе — Никель, Заполярный и Киркенес — получили новые роли исполнителей транснационального сотрудничества. В экономическом плане, однако, периферии досталось немного, но вот политически произошли определённые изменения. Практическая польза от этого была очевидна на 5-ых российско-норвежских днях приграничного сотрудничества в ноябре 2015 г. Ни один из участвующих местных и региональных политиков не мог утверждать, что не знал о растущей волне беженцев, которые хлынули в Норвегию через Мурманск, Никель и Киркенес. Этот неожиданный поток людей лёг тяжёлым бременем на небольшие местные подразделения полиции в Киркенесе, занимающиеся приёмом и оформлением индивидуального статуса беженцев. Тем не менее, эти трудные времена в приграничье были пережиты обеими странами, что свидетельствует о ценности хорошо налаженного диалога между региональными и национальными властями стран в моменты, когда трудно найти решения эскалации кризиса.

В последнее время высокопоставленные представители норвежских и российских властей говорят о Крайнем Севере и Баренцевом регионе как о мирной территории, характеризующейся возможностью диалога и сотрудничества. Последнее было подчёркнуто на региональных конференциях в Норвегии в 2015–2017 гг. бывшим министром иностранных дел Норвегии Бёрге Бренде (Børge Brende) (за исключением 2015 г., когда во вступительном слове доминировали международный кризис, реакция на ситуацию в Крыму и участие России),⁹ и его преемником Ине Эриксен Сёрейде (Ine Eriksen Søreide) в 2018 г.¹⁰ Они выражали поддержку БЕАР и региональному сотрудничеству на севере во времена европейских и глобальных вызовов. Диалог между Норвегией и Россией продолжается на субнациональном уровне на севере и полностью соответствует нынешним норвежским либерально-консервативным правительственным инициативам относительно Крайнего Севера 2014¹¹ и

⁹ Brende B. Opening Address. Presentation at The Kirkenes Conference, February 4, 2015, February 10-11, 2016, and February 8-9, 2017, Kirkenes. Arr. Kirkenes Business Park.

¹⁰ Søreide Ine Eriksen. Opening Address. Presentation at The Kirkenes Conference, February 21, 2018, Kirkenes.

¹¹ Utenriksdepartementet (2014) Nordkloden. Verdiskapning og ressurser. Klimaendringer og kunnskap. Utviklingen i nord angår oss alle. Nordområdene. Statusrapport 2014. URL: https://www.regjeringen.no/contentassets/23843eabac77454283b0769876148950/nordkloden_rapport-red.pdf (дата обращения: 21.06.2017).

2017 гг.¹² Крайний Север остаётся в центре внешней политики и, согласно Стратегии 2017 г., зависит от взаимодействия внешней и внутренней политики, а также диалога между центром и периферией. Всё это контрастирует с общей политикой норвежских властей в отношении России, на которую сильно влияет ситуация на востоке Украины и осуждение её международным сообществом. Северные жители, знакомые с первым политическим «энтузиазмом» на Крайнем Севере, оценивая нынешнюю ситуацию, говорят об отсутствии интереса к северу Фенноскандии у центральных властей в Осло. Тем не менее, как указывалось выше, официальные политические декларации относительно Севера остаются позитивными.

Официальные российские источники в северных приграничных территориях также указывают на то, что основные принципы России по арктическим вопросам, утверждённые Кремлём в 2009 г., все ещё преобладают. Возможно, можно было бы сделать больше путём развития сотрудничества на Севере и в БЕАР, но интерпретация Москвой потенциальных угроз в этом районе немного изменилась после украинского кризиса и последующего введения санкций со стороны западных сообществ¹³. Нынешний представитель Российской Федерации в Киркенесе, Генеральный Консул С.В. Шатуновский-Бюрно¹⁴ и председатель Совета Баренцева Евро-Арктического региона Сергей Петрович неоднократно указывали на важность регионального сотрудничества¹⁵. С. Петрович заявил, что оно «остаётся устойчивым мирным проектом, который предоставляет нам значительные возможности». Подобное заявление подтверждает прозрачность и согласованность между российской официальной Арктической стратегией и тем, что сообщается на межрегиональных форумах с участием стран Северной Европы и России. Всё это способствует достижению консенсуса в отношении адекватности и стабильности на севере перед лицом «взлетов» и «падений» международных отношений. Баренцево-Евроарктический регион воспринимается не как статичная идея, а скорее как способная к развитию и переходу в другие географические условия, как динамичное «воображаемое сообщество» для укрепления доверия и содействия трансгранично-

¹² Utenriksdepartementet og kommunal- og moderniseringsdepartementet (2017). Nordområdemeldingen: Mellom geopolitikk og samfunnsutvikling. URL: https://www.regjeringen.no/contentassets/fad46f0404e14b2a9b551ca7359c1000/strategi_nord_2017_d.pdf (дата обращения: 27.06.2017).

¹³ Basics of the Russian Federation's State Policy in the Arctic for the Period until 2020 and for a Further Perspective. (Published on the Internet as appendix to:) Rossiyskaya Gazeta: Capital Release no. 4877, March 27 2009. URL: www.rg.ru/2009/03/30/arktika-osnovy-dok.html (дата обращения: 15.10.2015) and Russian federation [2013] "Strategy for the Development of the Arctic Zone of the Russian federation." URL: <http://iecca.ru/en/legislation/strategies/item/99-the-development-strategy-of-the-arctic-zone-of-the-russian-federation> (дата обращения: 01.09.2018).

¹⁴ Shatunovskiy-Byurno S. Russian Attitudes to Border Cooperation and Local Border Traffic Regime. Presentation given at Comparing Schengen Borderlands: Experiences from Slovakia-Ukraine and Norway – Russia. April 4th-6th 2017 in Kirkenes. Arr. UiT-The Arctic University of Norway, Campus Kirkenes and Slovak Foreign Policy Association. (2018) New Visa Regimes in the Barents Euro-Arctic Region and Beyond: Russian Views on Local Border Traffic (LBT). Presentation given at Grenseseminar 2018, Barents Bygger Bro. Arr. UiT- Norges arktiske universitet, Kirkenes, Barentsinstituttet og institutt for reiseliv og nordlige studier 22. februar 2018.

¹⁵ Petrovich S. The Barents Region as a Model for International Cooperation. Presentation at *The Kirkenes Conference*, February 8-9, 2017. Kirkenes.

му сотрудничеству на севере и в других регионах мира [31, Hønneland G.; 32, Hønneland G.; 33, Anderson B.].

Увеличение трансграничного трафика через реорганизованное пограничное пространство: транспорт, инфраструктура и новые эффекты изменения визовых режимов

В результате сотрудничества в рамках БЕАР была задумана так называемая Баренцево-Евроарктическая транспортная зона (BEATA). Благодаря многосторонней работе был запущен план Баренцева транспорта, который привёл к солидным результатам, а общий энтузиазм проявился в координации строительства улучшенной трансграничной транспортной сети БЕАР¹⁶. Её главным приоритетом какое-то время было европейское шоссе E105 — дорога, соединяющая Россию и Норвегию в Субарктике. В ходе сотрудничества была улучшена слабо развитая инфраструктура пограничной станции E105. Новый мост Бёкфьорд (Bøkfjord Bridge) (268 м) через приграничную реку Пасвик и прилегающий к нему Трифонский тоннель (названный в честь русского православного монаха и миссионера XVI в. Святого Трифона Печенгского) был завершён на норвежской стороне E105 осенью 2017 г. Данный проект был назван самым заметным в дорожном строительстве в 2018 г. в Норвегии. Усовершенствованная часть E105 обошлась примерно в 875 млн норвежских крон (93 млн евро). Министр транспорта и коммуникаций Норвегии Кетиль Сольвик-Олсен (Ketil Solvik-Olsen) на открытии моста заявил, что «этот мост послужит взаимной выгоде бизнеса как в Норвегии, так и в России»¹⁷. Строительство моста Бёкфьорд (Bøkfjord Bridge) рассматривается как самый значительный результат трансграничного сотрудничества в БЕАР. После масштабных улучшений автодороги с российской стороны, новая трасса сократила расстояние между Киркенесом и Мурманском на 25 км. Несмотря на то что расходы с норвежской стороны были значительными, российский бюджет, вероятно, был ещё больше. Только 12 из 210 км трассы между Киркенесом и Мурманском находятся на норвежской стороне. Транспортное сообщение от пограничной станции до г. Заполярный в России было открыто уже осенью 2014 г. Несмотря на то, что новая трасса обошла г. Никель и соединила границу с Мурманском напрямую, вспомогательные дороги вокруг г. Никель были также недавно модернизированы.

Кроме того, BEATA привела в действие высокотехнологичную «умную» систему мониторинга дорог, которая в настоящее время тестируется на норвежской Баренц-территории между местечком Шиботтен (Skibotten) в Норвегии и Колари (Kolari) в Финляндии. Также примером «умных» транспортных маршрутов является трасса между г. Тромсё в Норвегии и Оулу в Финляндии. Система отслеживает транспорт и состояние дорог с помощью датчиков.

¹⁶ Naimak T. Fremtidig trafikkutvikling i nord. Paper presented at The Kirkenes conference, February 21, 2018. Kirkenes.

¹⁷ Nilsen T. Norway builds new bridge to Russia. *Independent Barents Observer*, May 19, 2017. URL: <https://thebarentsobserver.com/en/borders/2017/05/norway-builds-new-bridge-russia> (дата обращения: 23.05.2017) and Bridge and new highway linking Norway and Russia officially opens. *Independent Barents Observer*, September 29, 2017. URL: <https://thebarentsobserver.com/en/borders/2017/09/norway-opens-new-bridge-road-russia> (дата обращения: 01.08.2018).

Она обеспечивает безопасность транспорта и может способствовать более экологичным операциям за счёт сокращения использования энергии и снижения рисков дорожно-транспортных происшествий.

Большим препятствием для пересечения границы между Норвегией и Россией на индивидуальном уровне по-прежнему является визовый режим. Начиная с весны 2012 г. соглашение между двумя странами о МПД через шенгенскую границу Норвегии и России было основано на визовом регулировании, соглашение о котором было подписано норвежскими и российскими властями 2 ноября 2010 г.¹⁸ Учитывая, что на норвежской стороне только 9 тыс. жителей имеют право на получение МПД-визы, т. е. визы в пограничную зону, а 45 тыс. — на российской стороне, норвежцы чаще пользуются возможностью посетить своего соседа. На практике меньше людей может получить МПД визу на приграничной территории России, так как многие из-за своей принадлежности к военному сектору имеют только национальный паспорт.

Однако поскольку МПД-виза не является разрешением на работу или видом на жительство, получатели имеют доступ к довольно ограниченному набору мероприятий в ограниченном географическом районе. С другой стороны, приглашение не требуется, а процедура подачи документов на визу и при пересечении границы менее затратна и требовательна по сравнению со стандартной визовой процедурой. Российские гости могут въехать на соседнюю норвежскую территорию в 30 км от границы. Норвежцы могут посетить определённые места в пределах 30–50 км от границы, в том числе города Никель и Заполярный. МПД-виза действительна в течение трёх лет, а её потенциальные владельцы должны проживать в пограничной зоне более трёх лет. Жители третьих стран также могут подать заявку на МПД-визу.

С момента открытия визового режима МПД в 2012 г. и до апреля 2017 г. около 6 300 норвежцев получили подобную визу в Генеральном консульстве России в Киркенесе. А это составляет 70% всего населения, которому разрешено подавать заявки. Около 2 000–3 000 (40% всех держателей МПД-визы) норвежцев пользуются ей регулярно. Согласно опросу, проведённому автором в 2018 г., из более чем 60 подростков в возрасте от 14 до 15 лет в Киркенесе 70% посетили Россию, а 40% получали МПД-визу. 60% опрошенных посещали Россию ежегодно и неоднократно. 18,3% — пересекали российскую границу чаще 6 раз в год. 58 % участвовали в спортивных, культурных или муниципальных мероприятиях.

Однако лишь немногие из 50 человек, опрошенных в Печенгском районе в 2014 г., были обладателями МПД-визы с российской стороны¹⁹. Чаще всего потому, что поездка в ближайший визовый центр, расположенный в Генеральном Консульстве Норвегии в Мурманске, была слишком трудоёмкой и дорогостоящей. Проводя исследование, мы опрашивали школьников. Многие отдали приоритет домашним заданиям, но были бы не против

¹⁸ Det kongelige utenriksdepartement. Nordområdene. Visjon og virkemidler. St.melding 7. Melding til stortinget (2011–2012).

¹⁹ Интервью проведены в сентябре 2018г.; в них приняли участие учащиеся средних школ муниципалитета Сёр-Варангер (Норвегия) и Печенгского района (Россия).

трансграничных школьных обменов и проектов с норвежскими партнёрами. Только у одного учащегося из 21 опрошенного в Заполярном была МПД-виза, а ещё двое имели шенгенскую визу. Почти 30% опрошенных были в Норвегии. Россияне в целом предпочитают шенгенскую визу, а не МПД, потому что это даёт им больше свободы в путешествиях и посещении других европейских стран. К 2014 г. благодаря норвежским получателям МПД визы было насчитано более 45 тыс. пересечений границы, немного меньше в 2015 г., а затем снова увеличение в 2016 г., но всё ещё ниже уровня 2014 г.

Как в Норвегии, так и в России визовый режим МПД считается успешным, учитывая современные международные потрясения. В период, предшествующий обновлённому МПД-режиму, местные жители и владельцы магазинов в Киркенесе, а также некоторые сотрудники полиции выражали озабоченность по поводу возможного увеличения числа уголовных преступлений после него. Однако этого не произошло. Субарктический визовый режим МПД остаётся неизменным и успешным до сих пор, несмотря на напряжённость, вызванную в других странах событиями в Крыму и на Украине, последовавшие экономические санкции, взлёты и падения стоимости рубля, негативно сказывающиеся на пограничном бизнесе, драматическую ситуацию с беженцами на границе осенью 2015 г., а затем строительство пограничного заграждения на норвежской стороне в 2016 г. Однако случаи разведки и шпионажа и теперь мешают норвежско-российским отношениям на национальном уровне. Северное трансграничное сотрудничество, обмен в рамках БЕАР и визовый режим Сёр-Варангер (Sør-Varanger) — Печенга остаются действующими, несмотря на все сложности.

Дальнейшее расширение трансграничного сотрудничества и развитие туризма: российские власти в поисках новых возможностей в пограничье

Политические и административные инновации в Баренцевом приграничье, начиная с 2008 г., стимулировали дискуссию о необходимости дальнейшего улучшения инфраструктуры, облегчения таможенной практики, оптимизации пограничного регулирования, совместного использования расширенных возможностей пограничных станций для удовлетворения возросшего трансграничного движения более экономичными способами. К этому пограничному дискурсу вскоре присоединились местные и региональные власти Печенги, а также желание увеличить трансграничный туризм, соседствующее со страхом перед физическими опасностями, деградацией окружающей среды и социальными потрясениями, предусмотренными сценариями так называемого «общества риска» [34, Beck U.]. Печенгский район на границе России и Норвегии является интересным примером в западноевропейской перспективе. Изначально эта территория была «закрытой», затем постсоветской, напоминающей о «холодной войне», в промышленном отношении имеющей геополитические и военно-стратегические исторические корни. Первоначально эта территория использовалась для так называемого «тёмного» туризма, затем там стали проводить экскурсии, которые превратились в практику преподавания истории советского коллективного опыта с целью создания достойной жизни для удалённого сообщества в суровых природных условиях, «проекта»,

неизвестного для западного капитализма. По общему признанию, такие глубокие туристические впечатления от поездки в приграничье требуют от туриста непредвзятости и умения не только осматривать пейзажи, но и задавать вопросы, слушать гида и узнавать что-то новое. Пограничье также может предложить катание на лыжах по склонам, спа и рыбалку на отдалённых реках и протоках в тундре [35, Haugseth P., Wråkberg U.; 36, Ilkevich S., Stroemberg P.].

В целом российская Арктика ассоциируется с суровым климатом, открытыми пространствами для активного отдыха, приключениями, дикой природой, богатым культурным наследием и постсоветскими воспоминаниями, окружающими ветхие сооружения списанных военных форпостов [37, Wråkberg U.]. Несколько раз с момента пересечения российско-норвежской границы в 2011 г. в Печенгском районе прошла экскурсия с гидом по потенциальным региональным туристическим объектам. В сотрудничестве с местными российскими гидами было выявлено много потенциальных качественных достопримечательностей норвежско-российской границы. История коренных народов, восточных Саами в частности, богатое культурное наследие и советские памятники символизируют гораздо больше, чем просто деградацию окружающей среды, за которой некоторые современные посетители не могут ничего увидеть. Здесь, как и во многих других местах, посещение мемориалов Второй мировой войны занимает центральное место. Большое значение для паломничества имеет восстановленный монастырь Святого Трифона Печенгского в Луостари. Настоящее исследование выявило несколько интересных и доступных достопримечательностей, на которых может основываться развитие туризма с акцентом на северную культуру [35, Haugseth P., Wråkberg U.; 38, MacCannel D.].

Печенгский монастырь — это не только религиозный символ, являющийся очевидно привлекательным для туристов благодаря своей впечатляющей архитектуре, он также свидетельствует о том, что российские власти в рамках процесса регулирования МПД смогли открыть многие объекты, ранее недоступные в пределах ограниченного военного сектора, для посещения иностранцами и россиянами, не являющимися жителями Печенгского района. Тем не менее Печенгский монастырь расположен в конце этой модифицированной МПД-зоны, и ни один норвежский посетитель не может продолжить движение на восток в сторону Мурманска после Луостари / Корсуново, потому что как только вы прошли дорогу к этому поселению (которая была закрыта для всех иностранцев до мая 2012 г.), вы пересекли линию зоны МПД.

С 2012 г. администрация Печенги и местные предприниматели продвигают идею перемещения тысяч краткосрочных пассажиров круизных судов и других туристов через границу с Норвегией на туристические направления в пределах своего района. Но затраты на выдачу туристических виз и сроки, обычно устанавливаемые на них, все ещё делают это невыполнимым. Но всё может измениться. 22 июля 2016 г. российские власти открыли 72-часовой безвизовый режим для посещения Мурманска и Архангельска. Пользоваться этим режимом могут в будущем смогут туристы, останавливающиеся в Киркенесе во время круиза

с норвежской компанией «Hurtigruta». Пока не ясно, предложат ли такой режим тем, кто посещает Киркенес всего на 3 часа, что позволяет совершить очень короткую дневную поездку в близлежащий район Русской Печенги. Азиатские туристы уже находят пути как в Северную Норвегию, в Киркенес, так и в российскую Северо-Западную Арктику через Мурманский аэропорт; никогда ещё в истории Русский Север не был настолько доступен для международного туризма [39, Ashutova T., Belevskikh T., Shestova Y.].

Постепенно воплощаются планы по расширению маршрута компании «Hurtigruta», которая традиционно соединяет Берген на юго-западе Норвегии с Киркенесом и проходит вдоль норвежского побережья, за счёт пунктов назначения в российском Баренцевом регионе. С осени 2019 г. круизные линии будут отправляться из Тромсё, идти на восток через Киркенес, включать в себя территории арктического архипелага Земля Франца-Иосифа и заходить в гавань г. Мурманска²⁰.

Заключение

Развитие приграничных районов Норвегии и России в условиях Крайнего Севера зависит от межгосударственных отношений и растущего интереса современного мира к Северу. Норвежские и российские власти в конечном итоге стали относиться к своим районам Крайнего Севера по-новому, обнаружив свои политические амбиции, интерес и обязательства по развитию этих территорий.

Изучению того, как процесс государственного и субгосударственного взаимодействия способствует эффективной выработке инструментов трансграничного сотрудничества на Крайнем Севере, способствует понятие «парадипломатия» или «регионально-государственная дипломатия». Данная концепция пролила свет на взаимодействие внутренних и внешнеполитических инструментов, применяемых в рамках межгосударственного взаимодействия, что в конечном итоге открыло путь к более эффективному сотрудничеству через национальные государственные границы. Автор утверждает, что спустя 10 лет после того, как норвежское и российское правительства изменили свои подходы к северным районам посредством инновационных мер, улучшилось, в частности, взаимодействие в Баренцевом Евроарктическом регионе (БЕАР). Города, муниципалитеты и их население сегодня более открыты и имеют в своём распоряжении больше инструментов трансграничного сотрудничества на законных основаниях и могут активнее в нём участвовать. Ранее закрытые места в приграничных районах России стали открыты и доступны для норвежских посетителей. Для иллюстрации важности регионального взаимодействия между государствами и субгосударственными образованиями были представлены тематические исследования и соответствующие дискурсы. Особенно это касается новых возможностей, которые оказались успешными в плане изменения баланса традиционных отношений между центром и периферией в

²⁰ Hurtigruta. Norge, Murmansk, Frans Josefs land — Seil nord for 80° til det russiske Arktis. URL: <https://www.hurtigruten.com/destinations/russia/> (дата обращения: 26.05.2018).

пользу региональных инициатив, и которые хорошо вписываются в основные национальные интересы. В статье сделан максимально возможный обзор некоторых небольших шагов в практике региональной субгосударственной дипломатии, шагов, которые слишком часто игнорируются в большинстве геополитических обобщений. В связи с этим были проведены эксперименты в области новых политических коммуникаций на севере, брендинга Крайнего Севера через официальные документы и переноса видения новых индустриально-экономических Hi-Tech-сценариев с государственного на региональный уровень. Кроме того, масштабные видения малого, материализующиеся в виде МПД-режима, частично сформировали новые трансграничные форумы, которые в конечном итоге сосуществуют с дискурсами по содействию транспорту, развитию дорожной сети и инфраструктуре пограничья. Всё это также изменило наше географическое воображение и превратилось в новые формы туризма и развития туристических направлений.

Было установлено, что двусторонние обсуждения как масштабных, так и менее крупных планов трансграничного сотрудничества имеют большое значение, поскольку они разрабатываются в рамках регулирования центром национальной стратегии и осуществляются региональными и местными политиками и заинтересованными сторонами. Недавние инициативы по трансграничному сотрудничеству позволяют вспомнить о важности неформальных, личных способов сотрудничества. Это способствует отношениям Норвегии и России и может дополнительно укрепить их стабильность.

Нам удалось получить представление о том, каким образом «Новый Север» и его «многоуровневое глобальное управление» осуществлялись в малом масштабе, на местных периферийных участках. Преимущества и надёжность этой практики управления очевидны только в том случае, если изучать их на местах, то есть на Крайнем Севере норвежско-российской границы.

Учитывая геоэкономические изменения на европейской и глобальной арене в последние годы, можно сделать вывод о том, что благоприятный местный и региональный этос остается неизменным, поскольку он существует в рамках давних хороших традиций приграничного взаимодействия, региональной торговли, путешествий, культурных и личных контактов и туризма. Преемственность в этой деятельности свидетельствует об уникальной традиции обмена и партнёрства на перекрёстке Европейского Севера.

Благодарности и финансирование

Приведённые в статье авторские исследования были поддержаны: Норвежским Исследовательским фондом, проект «Research Days»: «Взросление в Баренцевом Евроарктическом регионе» (2018), Норвежским Региональным Исследовательским Фондом в рамках проекта «Города-близнецы Никель и Киркенес в Баренцевом Евроарктическом регионе (2013–2017)». Автор благодарен коллегам по проекту, Ольге Иванищевой и Урбану Врокбергу. Комментарии и предложения последнего позволили заметно улучшить статью.

Литература / References

1. Soldatos P. An Explanatory Framework for the Study of Federated States as Foreign-Policy Actors. *Federalism and International Relations: The Role of Subnational Units*. Oxford, Clarendon Press Publ., 1990, pp. 34–53.
2. Duchacek I. Perforated Sovereignities: Towards a Typology of New Actors in International Relations. *Federalism and International Relations. The Role of Subnational Units*. Oxford, Clarendon Press Publ., 1990, pp. 1–34.
3. Duchacek I., Latouche D., Stevenson G. *Perforated Sovereignities and International Relations: Trans-Sovereign contacts of Subnational Governments*. Westport (CT): Greenwood Press Publ., 1988.
4. Michelmann H.J., Soldatos P. *Federalism and International Relations: The Role of Subnational Units*. Oxford, Clarendon Press Publ., 1990.
5. Aldeco F., Keating M. *Paradiplomacy in Action. The Foreign Relations of Subnational Governments*, London: Frank Cass Publ., 1999.
6. Majeed A., Watts R.L., Brown D.M. *Distribution of Powers and Responsibilities in Federal Countries: A Global Dialogue on Federalism*, Volume 2, Montreal, QC: McGill-Queen's University Press Publ., 2006.
7. Joenniemi P., Sergunin A. Paradiplomacy as Capacity Building Strategy: The Case of Russia's North-western Subnational Actors. *Problems of Post Communism*, 2014, vol. 61, no. 6, pp. 18–33.
8. Jackson T. Paradiplomacy and Political Geography: The Geopolitics of Substate Regional Diplomacy. *Geography Compass*, 2017, no. 12, pp. 1–11.
9. Crikemans D. Introduction. In *Regional Sub-State Diplomacy*. Eds. Crikemans. D. Leiden: Martinus Nijhof Publishers, 2010, pp. 1–9.
10. Boyer M. Moving Targets: Understanding Diplomacy and Negotiation in a Globalizing System. *The International Studies Review*, 2001, vol. 3, pp. 91–99.
11. Lecours A. Paradiplomacy: Reflections on the Foreign Policy and International Relations of Regions, *International Negotiation*, vol. 7, no. 1, 2002.
12. Paasi A. *Territories, Boundaries and Consciousness. The Changing Geographies of the Finnish-Russian Border*. Chichester: John Wiley & Sons Publ., 1995.
13. Berkaak O.A., Frønes I. *Tegn, Tekst og Samfunn*. Oslo: Abstrakt forlag Publ., 2005.
14. Geertz C. *The Interpretation of Culture*. New York: NY, Basic Publ., 1973.
15. Hønneland G., Jensen L.F. *Den Nye Nordområdepolitikken. Barentsbilder etter Årtusenårsskiftet*. Bergen: Fagbokforlaget Publ., 2008.
16. Hønneland G., Rowe L. *Nordområdene — Hva nå?* Trondheim: Tapir akademisk forlag Publ., 2010.
17. Hønneland G. *Arktiske Utfordringer*. Kristiansand: Høyskoleforlaget Publ., 2010.
18. Held D., McGrew A., Goldblatt D., Perraton J. *Global Transformations: Politics, Economics and Culture*. Cambridge: Polity Press Publ., 1999.
19. Talbott S. Globalization and Diplomacy: A Practitioner's Perspective. *Foreign Policy*, 1997, no. 108, pp. 68–83.
20. Angell E., Eikeland S. & Selle P. Utfordringer sett fra nord. *Nordområdepolitikken Sett fra Nord*. Bergen: Fagbokforlaget Publ., 2010, pp. 15–38.
21. Larsen T. *Den Globale Samtalen: Om Dialogens Muligheter*. Oslo: Scandinavian University Press Publ., 2009.
22. Jensen L.C., Skedsmo P.A. Approaching the North: Norwegian and Russian Foreign Policy Discourses on the European Arctic. *Polar Research*, 2010, no. 29, pp. 439–450.
23. Laruelle M. *Russia's Arctic Strategies and the Future of the Far North*. New York: M.E. Sharpe Publ., 2014.
24. Konyshov V., Sergunin A., Subbotin S. Russia's Arctic Strategies in the context of the Ukrainian crisis. *The Polar Journal*, 2017, vol. 7, no. 1, pp. 104–124.
25. Bassin M., Ely C., Stockdale M.K. Introduction: Russian Space. *Space, Place, and Power in Modern Russia: Essays in the New Spatial History*. Illinois: Northern Illinois University Press Publ., 2010, pp. 3–19.
26. Kinossian N. Stuck in Transition: Russian Regional Planning Policy between Spatialization Polarization and Equalization. *Eurasian Geography and Economics*, 2013, no. 54 (5–6), pp. 611–629.

27. Browning C.S. The Internal / External Security Paradox and the Reconstruction of Boundaries in the Baltic: The Case of Kaliningrad. *Alternatives*, 2003, no. 28, pp. 545–581.
28. Allison R., Light M., White S. *Putin's Russia and the Enlarged Europe*. London: Blackwell Publ., 2006.
29. Prozorov S. Border Regions and the Politics of EU-Russian Relations: The Role of the EU in Tempering and Producing Border Conflicts. *Working Papers in EU Border Conflicts Studies*, no. 3. Birmingham: University of Birmingham, Department of Political Science and International Studies, 2004.
30. Mankoff J. *Russian Foreign Policy: The Return of Great Power Politics*. Lanham: Rowman & Littlefield Publ., 2012.
31. Hønneland G. *Barentsbrytninger: Norsk Nordområdepolitikk etter den Kalde Krigen*. Kristiansand: Høyskoleforlaget Publ., 2006.
32. Hønneland G. *Borderland Russians: Identity, Narrative and International Relations*. Houndmills: Palgrave Macmillan Publ., 2010.
33. Anderson B. *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. London: Verso, 1983.
34. Beck U. *The Reinvention of Politics: Rethinking Modernity in the Global Social Order*. Cambridge: Polity Press Publ., 1997.
35. Haugseth P., Wråkberg U. Tourism Experiences of the Post-Soviet Arctic Borderland. *Arctic Tourism Experiences: Production, Consumption and Sustainability*. Wallingford: CABI, 2017, pp. 181–190.
36. Ilkevich S., Stoemberg P. Arctic Tourism in Russia: Attractions, Experiences, Challenges and Potentials. *Arctic Tourism Experiences: Production, Consumption and Sustainability*. Wallingford: CABI Publ., 2017, pp. 169–180.
37. Wråkberg U. Science and Industry in Northern Russia in Scandinavian Perspective. *Science, Geopolitics and Culture in the Polar Region — Norden Beyond Borders*. Farnham: Ashgate, 2013, pp. 195–223.
38. MacCannel D. *The Tourist: A new Theory of the Leisure Class*. Berkeley: University of California Press, Academic Press, 1999.
39. Ashutova T., Belevskikh T., Shestova Y. *International cooperation in professional training for the tourism industry in the Barents Euro-Arctic Region (BEAR)*. Unpublished book manuscript.